

3. *Климова, М. В.* Большой этимологический словарь русского языка / М. В. Климова – М. : Дом славянской книги, 2016. – 960 с.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка. – 10-е изд., стереотип. / С. И. Ожегов. – М. : Совет. энцикл., 1973. – 846 с.
5. *Корнеева, А. Ю.* О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // Русское слово в мировой культуре. X конгресс МАПРЯЛ: пленарные заседания: сб. докл. Т.1. / А. Ю. Корнеева, под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. – СПб. : Политехника, 2003. – С. 250–255.
6. *Корнеева, А. Ю.* Материалы социологических исследований как лингвистический источник / А. Ю. Корнеева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 3. – С. 9–18.
7. Олигархи как понятие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/rich_poor/dd032833. – Дата доступа : 25.03.2017.
8. *Королёва, Н.* Почему в России не любят олигархов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw.com/ru/a-1362221>. – Дата доступа : 26.03.2017.
9. ВЦИОМ: «Россияне мечтают раскулачить олигархов» // Свободная Пресса. – 2017. – 3 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/society/article/167513>. – Дата доступа : 24.03.2017.

М. Р. Арпентьева (Калуга, Россия)

МЕТАФОРЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Метафоры динамического, трансформирующегося мира, метафоры как маркеры перемен, – обозначающие различные миры и времена, их смещения и перемещения, зоны пограничья и приграничья, взаимного преобразования, – важная часть свершающихся или намечающихся переходов. Эти переходы – между мирами и временами – изменяют и сами метафоры, жизнь которых порой оказывается, в отличие от понятий, довольно короткой. Судьба метафоры строится между двумя возможностями: одна, более вероятная, – возможность исчезнуть, выполнив свое предназначение, в том числе – разрушить те или иные «лоскуты» реальности и/или интегрировать противоречащие друг другу лоскуты в единое целое; вторая, менее вероятная, – стать понятием или концепцией, образовав свое пространство-время реальности, свой «лоскут», занимающий место среди иных «лоскутов». Каждая метафора – зародыш или обозначение интенции, которой люди, события, концепции следуют на пути к самим себе, друг другу к гармонии как к разрешению кризиса и нахождению оптимального баланса, точки отсутствия противоречий между разными «лоскутами» реальности.

На пути к разрешению противоречий человек преодолевает отчуждение от себя и мира, преодолевает лиминальность. Он учится осмыслять перемены в себе и мире, признавая их бытие и право на изменение. Узнавание себя и других в том или ином нарративе, узнавание себя и друг друга участниками нарратива, их самопонимание и понимание других людей – процессы, которые могут быть практически параллельными.

Условием является семантический резонанс: в процессе построения, трансформации и/или изучения нарратива происходит поиск сходного содержания между сочиняемым/изучаемым/изменяемым нарративом и описываемым им «лоскутом» реальности и другим нарративом, привычным компонентом привычного жизненного мира: фрагмент («лоскут») образа мира резонирует с фрагментом (вос)создаваемого мира, возникает семантический (смысловой) резонанс, благодаря которому «распаковывается», актуализируется новое, продуктивное и более точное понимание происходящего. «Трансдеривационный поиск» – поиск соответствия актуальной ситуации и фрагментов жизненного опыта, так или иначе фиксированного в языке. Он осуществляется через смысловой резонанс, который, как правило, сопровождается чувством понятности (узнавания и прояснения, децентрации и перецентрации и т.д.). Когда в резонанс вступают фрагменты переживаний или образа мира, которые соотносятся с проблемами или жизненными целями человека, им переживается значимость ситуации и опыта, раскрытие сокровенных смыслов – уровней бытия, ранее не доступных его пониманию, возникают новые метафоры – предвестники и предшественники новых парадигм жизнедеятельности, происходит формирование новых, более продуктивных ролевых, ценностных и т.д. моделей.

Создание и коммуникация метафор пропорциональны открытости между сознательным и бессознательным у человека. Процессы метафорической коммуникации для обычного человека – важный способ и канал осмысления того, что запрещается, отчуждается по тем или иным причинам, и, будучи отчужденным, становится причиной нарушений. Для специалиста процессы метафорической коммуникации становятся важной частью научного исследования и помощи. На каждом отдельном временном этапе в каждом отдельном пространстве («лоскуте») реальности миф как система концепций о себе и мире рано или поздно в том или ином месте становится столь избыточным, что перестает быть продуктивным, тормозя осмысление нового опыта и развитие личности и окружающего мира. Чтобы преодолеть связанные с этим процессом неконструктивные способы самозащиты, сделать более подвижными выработанные в ходе предыдущего профессионального и общего жизненного опыта структуры-схемы и процессы-стратегии понимания себя и мира, становится необходимым метафорический язык, интегрирующий в себе ценностное отношение человека к себе и миру, а также способы воплощения этого отношения в реальной жизни – в процессе осмысления происходящего и общения с другим человеком. Метафоры в итоге становятся маркерами и триггерами перемен: ничто не действует порой так сильно, как метафора, примененная и/или уловленная общающимися. При этом ее понимание есть деконструкция полилога «слабых» и «сильных» голосов [1; 2]. Каждая из возможных стратегий понимания – опирающаяся на сильные и/или слабые сигналы или голоса – выступает как совокупность способов понимания себя и другого человека, мира. При использовании и осмыслении метафор каждая стратегия выступает, с одной стороны, как относительно равноценная, позволяющая достигнуть той или иной – желаемой – глубины или «высоты» анализа феноменов

внутреннего и внешнего миров и, с другой – как обладающая заведомо разным диалогическим и экологическим потенциалами. В практиках речевого общения, связанных с исследованием нарративов и структурирующих их метафор и понятия, например, в психотерапии, человек имеет возможность оценить и освоить стратегию, поддерживающую «слабые» голоса, ориентированную на диалог, возвращающий человека к самому себе и к миру, помогающий принять перемены во всей их полноте, трансформировав интенции жизнедеятельности. В повседневности обычно преобладают стратегии, эти голоса игнорирующие, в результате чего возникает монолог, и, вслед за ним, отчуждение человека от мира и самого себя, стремление препятствовать переменам, принимая лишь те их фрагменты, которые соответствуют имеющимся интенциям.

Вообще говоря, маркеры и триггеры перемен могут быть весьма интенсивными, эксплицитными, связанными и декларируемыми ценностями и целями пациента и/или его системы отношений. При этом они формируются в виде понятий, обладающих более или менее фиксированными социальными значениями и личностными смыслами. Они могут быть и слабыми, скрытыми, в том числе, связанными с имплицитно существующими, но до определенного момента не проявленными характеристиками системы. Они оформляются в виде метафор и возникают в диалоге с психотерапевтом и другими людьми. Метафоры – наиболее яркие сигналы – предвестники серьезных изменений во внутреннем и внешнем мире, а также наиболее мощные триггеры этих изменений, позволяющие трансформировать внутренние интенции личности/группы/ситуации. Активная и точная идентификация и использование метафор не только позволяют прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. Их особенность заключается в том, что даже минимальные изменения параметров приводят к непропорционально значительным изменениям в поведении всей системы: эти сверхчувствительные зоны принято именовать «границами хаоса» [2; 3].

Однако найти в окружающем мире «чистый хаос» непросто, так же как сложно найти абсолютный порядок. Вместо ограниченной сложной адаптивной системы, окруженной хаосом, исследователи, как показали работы Г. Бейтсона, В. Лефевра, И. Пригожина и других, имеют перед собой безграничную сложную гетерогенную и адаптивную среду, которая похожа на бескрайнее «лоскутное одеяло», в котором сосуществуют несколько времен, несколько пространств [4; 5]. Отдельные «лоскуты» системы – области большей или меньшей гомеостатической устойчивости. Однако и сама «устойчивость» бывает, как минимум, двух видов: устойчивость порядка и покоя и устойчивость кризиса и беспорядка.

В «дырках» каждого лоскута (смысловых пробелах), а также на границах соприкосновений лоскутов, «ткань» того или иного фрагмента социальной и личностной реальности / сложной системы оказывается разорвана. Там присутствует «относительно чистый» хаос как полная неопределенность: упорядочивающие силы здесь не действуют или действуют

иначе, в том числе, в направлении увеличения хаоса. «Границы хаоса» можно назвать «границами порядков»: они находятся на стыках лоскутов, в местах соединения и взаимодействия областей упорядоченности и гомеостатической устойчивости [6; 2; 3; 7].

В этих стыках происходит конфликт и взаимодействие двух (или большего числа) соседних порядков: находящиеся в них «точки» личностной или социальной реальности попадают под конфликтующее влияние одновременно двух или нескольких гомеостатических систем, что создает в них особую «напряженность», сравнимую с остротой пограничного перехода между двумя враждебно настроенными странами: один порядок противоречит, враждебен другому, а там, где два порядка соприкасаются, возникает напряжение и пристальное взаимное внимание, развивается непропорциональная чувствительность даже к незначительным событиям («провокациям»). Здесь проявляются нелинейные, рекурсивные характеристики, на которые указывал один из создателей теории сложных систем Эд. Лоренц [8]. Эти зоны можно назвать пограничными или мерцающими, подчиняющимися описанному Лоренцем эффекту бабочки. Общими характеристиками «мерцающих зон» или «областей столкновения порядков» являются дезадаптивность, неустойчивость/изменчивость, нестабильность жизненного цикла и способность усиливать или ослаблять экспансии «зон порядка». В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» социальной реальности области порядка активно сталкиваются, возникают уникальные свойства «мерцающих зон». Например, «сверхчувствительность» когнитивных структур к своей периферии, «чувствительность к проблемам» этой периферии, а, значит, и всего «лоскута» – понятия, концепции процентируемых и (ре)конструируемых ими социальных феноменов и объектов т.д. [3; 7]. При этом в дискурсе любого взаимодействия присутствуют два вида механизмов: 1) предназначенные для представления и фиксации понятий и концепций, а также связанных с ними областей социального порядка («значения» и «понятия»); 2) существующие для взаимодействия, столкновения когнитивных структур и их совокупностей в «мерцающих зонах» («смыслы» и «метафоры»). Метафоры, как и строгие понятия, могут обозначать одни и те же фрагменты реальности – одни и те же «мерцающие зоны». При этом они имеют разную «индикаторную ценность». Общие признаки «индикаторной ценности» и разделенности метафор таковы: многократное повторение метафоры в различных обстоятельствах разными людьми; метафора повторяется не буквально, а видоизменяется с сохранением смысла; наконец, она распространяется [2].

Однако, помимо порожденных людьми искусственных метафор, существуют и естественные, создаваемые потоком социально значимых событий и указывающие на «мерцающие зоны», существование которых еще не осознается, а проявляются они как «странные совпадения», «ирония судьбы», «джокеры», в практически не связанных как в пространстве, так и во времени между собой событиях – синхронизмы как проявления

коллективного бессознательного: сюжеты событий метафорически тождественны [2]. Через синхронии внешне не связанных между собой событий, коллективное бессознательное «указывает» на появление «мерцающих зон» социальной реальности, в которой происходят значимые события. Обычно слабые сигналы легко затеваются другими факторами, включая ожидания тех, кто пытается заниматься прогнозами. Они настолько малы, что легко прячутся среди более сильных, но irrelevantных факторов или считаются несущественными для статистических и логических экстраполяций. На самом деле, их обнаружение – выявление/детекция и правильное толкование – осмысление – могут стать вопросом успеха или поражения перехода/трансформации. В стыках реальности, пограничных или «мерцающих зонах» находятся точки, воздействуя на которые можно изменить события.

Для увеличения вероятности и интенсивности нужного эффекта вмешательств в эти зоны можно прибегать к методам повышения их «индикаторной ценности»: многократное использование языковой или событийной метафоры, ее варьирование с сохранением сути и широкое распространение контекстов применения языковых – искусственных или событийных – естественных метафор в социальном пространстве, например, «засеивание» как многократное использование событийных и языковых метафор по «целевой» «мерцающей зоне» [2]. В метафорах реализуется единство диахронического и синхронического, жизненная диалектика, перипетии жизни «схватываются» особенно легко и гармонично: человек получает доступ к осмыслению ценности своего опыта – как для себя самого, так и для окружающих его людей [1; 2]. Метафоры позволяют осмыслить наиболее сложные, неполные или амбивалентные аспекты проблемных отношений, обнаружить и принять грядущие перемены, а также оказать направленное воздействие на процесс изменений [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева, М. Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений: дис. ... д-ра психол. наук / М. Р. Арпентьева. – М. : МГУ, 2015. – 497 л.
2. Уфимцев, Р. Мерцающие зоны / Р. Уфимцев – Калининград : Ателье ER, 2009. – 29 с.
3. Loveridge, D. Foresight / D. Loveridge // The Art and Science of Anticipating the Future. – N. Y. : Routledge, 2009. – 420 p.
4. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Бек, Д. Спиральная динамика / Д. Бек, Кр. Коуэн. – М. : Открытый Мир; Best Business Books, 2010. – 424 с.
7. Meadows, D. H. Leverage Points: Places to Intervene in a System / D. H. Meadows – N. Y. : The Sustainability Institute, 1999. – 21 p.
8. Lorenz, E. N. Predictability / E. N. Lorenz // 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science (29 Dec. 1972). – N. Y. : AAAS, 1972 in Essence of Chaos. – 1995. – Appendix 1. – P. 181.

9. Harris, D. Weak signals: Detecting the next big thing / D. Harris & St. Zeisler // The Futurist. – 2002. – V. 36 (6). – P. 21–29.
10. *The Never Ending Quest* / Cowan Ch. C. and N. Todorovic (eds.). – Santa Barbara, CA : ECLET Publishing, 2005. – 570 p.

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск, Беларусь)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КАК ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Географические номинации перифрастической природы используются в языке современных электронных и печатных СМИ крайне широко. Данные функциональные речевые единицы, будучи косвенными номинациями конкретных денотатов, становятся реальными конкурентами их прямых номинаций. Прагматические возможности вторичной номинации огромны: использование образных, выразительных, экспрессивных ресурсов языка в процессе «создания образа» предмета разговора – наиболее верный путь «конструирования» нужного представления о нем у читателя, действенный способ воздействия на сознание адресата. Субстантивные перифразы, которые рождаются в современных СМИ, успешно справляются с задачей профилирования заданных, в том числе и коннотативных, компонентов смысла.

Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы русскоязычных сайтов Беларуси, охватывающие период с 2008 г. по 2017 г.: официального сайта Республики Беларусь BELARUS.by, сайта «Беларусь. Факты» (belarusfacts.by), сайта TUT.BY, интернет-портала БРСМ «Молодежь Беларуси» (brsm.by), сайта агентства новостей Telegraf.by, белорусского телеграфного агентства БЕЛТА, новостей naviny.by, сайтов газет, развлекательного сайта Relax.by, туристических сайтов и порталов, региональных сайтов.

В центре нашего внимания – перифрастические единицы, заменяющие прямые номинации географических объектов Беларуси. В данном исследовании нас в первую очередь интересуют ойконимы – имена собственные, являющиеся названиями населенных пунктов, а также единичный хороним – имя собственное, являющееся названием страны, – *Беларусь*.

Среди ПЕ данной сферы легко обнаружить традиционные и новаторские речевые выражения. В качестве традиционных мы рассматриваем такие обнаруженные нами перифрастические номинации, как *страна тысячи рек и озер, озерный край, партизанский край, страна / край аистов, страна / край аистов и зубров, земля под белыми крыльями, край васильков, страна картошки* (Беларусь), *столица знаменитой сгущенки* (Рогачёв), *самый древний город Беларуси* (Полоцк), *столица белорусской нефтехимии* (Новополоцк), например: *Прибыв в белорусскую столицу, мы проезжаем мимо величественных многоэтажных новостроек, какие привычны в крупнейших азиатских городах, но никак не в стране аистов и зубров*